

Юнусова А.Б.

**ТАТАРО-БАШКИРСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:
МУСУЛЬМАНСКИЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
И СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Дальневосточная эмиграция имеет сложную, порой очень запутанную историю. Интенсивно вводимые в научный оборот документы фондов Русского зарубежного исторического архива (1) – самого крупного комплекса эмигрантских архивов – отличаются явно выраженной спецификой: кроме того, что большинство фондов отложились в эмигрантских кругах Европы и Америки, они как правило «русского» происхождения. Тюркомусульманская эмиграция, особенно дальневосточная, представлена в РЗИА фрагментарно, без выделения в отдельные фонды (2). Соответственно и в большинстве публикаций история дальневосточной эмиграции присутствует как бы на втором плане. Большинство научных публикаций и мемуаров посвящены той части эмиграции, которая осела в Европе, Австралии и Америке после временного пребывания в Китае, Маньчжурии, Корее и Японии.

С введением в оборот архивов русского зарубежья стали появляться исследования и по истории российских эмигрантских групп в странах Дальнего Востока. В 90е гг. прошлого века дальневосточное направление русской эмиграции получило освещение в работах Е. Е. Аурилене (3), В. Кузнецова (4), Г. В. Мелихова (5), И. А. Батожка (6), Л. Маркизова (7). 100летие КВЖД активизировало интерес к проблеме, появился ряд публикаций по истории КВЖД, Харбина, о русской эмиграции в Маньчжурии, среди которых выделяется обстоятельная монография Н. Абловой (8). Большой интерес представляет сборник «Годы, люди, судьбы: История российской эмиграции в Китае» (9). Особенно ценными представляются публикация архивных документов по истории дальневосточной эмиграции, предпринятая Е. Н. Чернолуцкой в сборнике «Российская эмиграция в Маньчжурии: военнополитическая деятельность (1920-1945)» (10) (в книге представлены рассекреченные материалы из уголовноследственных дел реэмигрантов из Маньчжурии, находящиеся в архиве управления ФСБ Российской Федерации по Приморскому краю) и биобиблиографический словарь российской эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, составленный А. Хисамутдиновым (11).

К истории русской эмиграции обращаются историки Китая и Японии. Японский исследователь Курата Юка опубликовал ряд статей и обзор архивных фондов Японии, в которых имеются документы о русской эмиграции, прибывшей в Японию после поражения белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке (12), в Китае вышла книга Ван Чжичэна «История русской эмиграции в Шанхае» (13).

Дальневосточное направление российской мусульманской эмиграции вызывает все больший интерес у современных исследователей Приморья, Татарстана и Башкортостана (14). Связано это и с публикацией новых документов, в которых прослеживается «дальневосточный» след известных деятелей тюрко-мусульманского национально-освободительного движения 1917–1925 гг., и с генеалогическими изысканиями, и с научными исследованиями российских, японских и китайских историков, поднимающих проблему «исламского фактора» во внешней и внутренней политике стран Дальнего Востока (15).

Деятельность российских мусульман в Японии, вписавшихся в активно проводимую Японией в 20–30е годы происламскую внешнюю политику, стала объектом исследований ряда японских историков, которые ввели в научный оборот документы Государственного Архива по внешним отношениям (ГАВО) Японии (дела, относящиеся к религиям. Ислам. Т. 1–2) (16). В 1999 году в Башкирию приезжал японский историк Кацунори Нисияма, который помог мне в поисках некоторых документов японских архивов, касающихся жизни и деятельности председателя всеяпонского мусульманского общества 20–30-х гг. XX века Мухамед-

Габдулхая Курбангалиева. Статья Кацунори Нисияма о мусульманах Японии была опубликована в журнале «Ватандаш» (17).

Дальневосточная эмиграция была чрезвычайно пестрой в социальном, политическом и в национально-религиозном отношении. Каждый новый виток военно-политических событий 1918–1922 гг. втягивал в эмигрантский водоворот все новые и новые лица – тех, кто в одиночку или с семьей решил бежать из России, или организованных в военные части, политические партии и движения, национальные и религиозные общины, тех, кто делал ставку на помощь японцев, чехов, французов, на русское войско и казачество, тех, кто надеялся очень скоро вернуться и тех, кто осознавал безнадежность возврата в большевистскую Россию. Оказавшись в эмиграции, каждый старался объединиться с себе подобными. Одни при этом с головой окунались в политику, создавали партии, союзы и движения, другие просто устраивали свое пребывание на чужбине и жили, как могли. Наряду с русскими в эмиграции оказались представители различных народов России. В 1920 году в Харбин устремились остатки белой армии Верховного правителя, в составе которой были, кроме регулярных войск, казаки и несколько национальных формирований, в том числе – башкирское войско. После поражений Колчака на Восточном фронте летом 1919 г. вместе с отступающей армией в Сибирь ушли тысячи мусульман – мирных жителей Урало-Поволжья. Осенью 1920 г. большая часть из них перешла границу и оказалась в Маньчжурии. Здесь – в Харбине, Хайларе – сформировалась татаро-башкирская диаспора, представлявшая мусульманскую ветвь российской эмиграции. История мусульманской эмиграции не только на Дальнем Востоке, но и в Европе, до недавнего времени была практически неизвестной.

Одним из первых к проблеме татарской мусульманской эмиграции обратился И. Гилязов, опубликовав ряд статей о деятельности Общества «Идель-Урал», Лиги «Прометей» и о политике Германии в отношении тюрко-мусульманских народов СССР (18). Политическая активность татарской эмиграции, ее связи с другими тюркскими народами рассмотрены в монографии Р. Б. Гайнетдинова (19). Башкирская эмиграция, осевшая в Турции, Германии, Венгрии, стала объектом исследований ученых Башкортостана (20).

Появление первых мусульман в странах Дальнего Востока относится к VII в. Религиозная терпимость танских правителей способствовала появлению мусульманских общин в Китае. В последующие столетия в крупнейших портовых и торговых городах Китая – Янчжоу, Гуанчжоу, Сиане, Пекине, Кашгаре – возникли мечети, быстро росли мусульманские общины, состоявшие из арабских и персидских купцов. Начиная с XI в. ислам получает распространение среди уйгуров, которые относятся к тюркским народам. Численность мусульман в Китае возросла в период монгольского владычества, когда вместе с завоевателями-монголами в стране, главным образом на северозападной окраине, расселились десятки тысяч мусульман – выходцев из Средней Азии. Некоторые из них занимали важные посты при дворе правителей, как, например, некий Ахмед, который, по словам Марко Поло, «... у великого хана в силе, так, что тот верил каждому его слову. ... Было у него около 20 сыновей, занимали они высокие должности...» (21). В настоящее время на территории Китая проживает 20 млн. мусульман, это представители 10 национальных меньшинств: хуэй, уйнуры, казахи, татары, киргизы, таджики, узбеки, дунсяне, салары, баоань. Подавляющее большинство мусульман расселено на территории Северо-Западного Китая, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР).

Российские мусульмане – татары – появились в Китае в конце XIX в. Их появление связано с началом строительства КВЖД. В работах Н. Абловой и Е. Чернолуцкой приводятся данные о численности подданных Российской империи, проживавших в районе строительства КВЖД. В 1899 г. в Харбине проживало 14000 российских подданных, не считая Охранной стражи (5000). К концу 1905 г. постоянных жителей в Харбине насчитывалось более 40 000 (всех национальностей). В 1907 г. проживало 48 870 российских граждан. По российско-китайским соглашениям территория, относящаяся к Китайско-Восточной железной дороге, считалась русской полосой отчуждения, где российские подданные оставались таковыми и не только пользовались правами экстерриториальности, но имели русское самоуправление со своими администрацией, судом, учебными заведениями, банками и т. д.. К 1916 г. только в Харбине из 68,5 тыс. населения было 34,2 тыс. русских, 5 тыс. евреев, 2,5 тыс. поляков, а

всего – 44,1 тыс. чел. европейских национальностей. Бурный рост Харбина привел к тому, что уже к 1917 г. число его жителей превысило 100 000 человек, из них русских было свыше 40 000. Со всех концов Российской империи сюда хлынули коммерсанты, подрядчики, биржевики, спекулянты, а также и простой люд — рабочие, ремесленники, лавочники, прислуга и т. п. (22). Особенно быстро, — пишет Н.Аблова, — богатели люди, занимавшиеся подрядами на строительстве дороги, в лесообрабатывающей промышленности, торговле. Татарские предприниматели занимались лесозаготовками, много работников из татар были заняты на лесоповале и в плотницких работах. Большинство же занималось мелким предпринимательством: вдоль линии железной дороги татарами были открыты многочисленные буфеты, рестораны, лавки. В начале XX в. в Харбине, Хайларе и Мукдене ими были созданы мусульманские общины, открыты школы при мечетях, начали действовать товарищества взаимопомощи и благотворительности (23).

В Японии носители ислама появились в период Мэйдзи, это были выходцы из Индии и стран Юго-Восточной Азии. Первыми японцами — мусульманами стали два журналиста Тораджиро Ямада и Осотора Нода. Приехав в 1892 году в Турцию, они за два года выучили турецкий язык и приняли ислам. Количество мусульман в Японии возросло после русско-японской войны 1904–1905 гг. за счет пленных российских воинов — мусульман. В 1908 г. в Японию для поддержки мусульман — соотечественников прибыл видный российский мусульманский деятель Ибрагим Рашид, который установил связи с японскими правящими кругами и подготовил почву для укрепления контактов российских мусульман с японцами — членами «Великого Азиатского общества», занимавшего изучением восточных народов.

Новая крупная волна миграции российских мусульман связана с поражением белого движения в Сибири и Приморье. В различных частях и подразделениях армии Каппеля служило до 2 тысяч башкир, прошедших долгий путь от Урала до Забайкалья. Большая часть башкир — каппелевцев служила во 2-м Уфимском армейском корпусе Уфимской группы войск под командованием генерал-майора С. Н. Войцеховского. В апреле 1920 г. они достигли Читы и приняли участие в Читинском сражении, во время которого погиб командир башкирской роты Харун Курбангалиев (24). В результате отступления семеновских и каппелевских войск башкирская рота вместе с тысячами русских солдат и офицеров перешла китайскую границу, произошло это 25 ноября 1920 г. Хотя командование Японской военной миссии организовало переброску русских войск в Приморье, башкиры в большинстве своем остались в Маньчжурии. Впоследствии некоторые из них переселились в Японию, кто-то обосновался в Корее, а кто-то и вернулся в Россию.

Так среди эмигрантов в странах Дальнего Востока оказались выходцы из татарских и башкирских сел и деревень различных уездов Уфимской, Казанской, Оренбургской, Пермской, Вятской губерний. Главное, что объединяло их всех, — это принадлежность к единому обществу мусульман Волго-Уральского региона России, единая мусульманская культура, единый язык тюрки. Можно также с определенной уверенностью говорить и об общих политических интересах тех, кто оказался в эмиграции: как правило, большинство башкирских эмигрантов — участники башкирского национально-освободительного движения 1917–1919 гг., сторонники национальной независимости тюркских народов, белого движения, противники советской власти.

Гонения большевиков на исламскую религию и мусульманских религиозных деятелей в 20–30е годы XX века увеличили поток эмигрантов из советской России. В эти годы в Финляндию, Китай, Маньчжурию дополнительно выехали еще несколько сотен мусульман, вынужденных покинуть Россию из-за воинствующего атеизма советской власти. Волна эмигрантов из России в 1919–1930-е гг. послужила мощным импульсом для этноконфессиональной консолидации разрозненного мусульманского социума, состоящего из разбросанных небольших групп последователей ислама в Китае, Японии, Корее.

Главной для всех мусульманских эмигрантов из России была проблема выживания и социальной адаптации. Не будем забывать, что в эмиграции оказались прежде всего белые офицеры, монархисты, представители буржуазии, состоятельных слоев общества. Имена мусульман — эмигрантов, установленные по различным источникам, свидетельствуют о том,

что многие бывшие подданные Российской империи имели в прошлом на родине собственное дело, торговые предприятия, земельные владения, магазины. Из губерний Волго-Уральского региона вместе с отступающей армией Колчака в Сибирь, а затем с ее остатками в Маньчжурию и Японию ушли те, кто имел в России достаточно высокий социальный статус – муллы, представители мусульманской интеллигенции, торговцы, имена некоторых из них приведены ниже (25).

- Алтынбаев Ибрагим, занимался торговлей в Бугульминском у. Оренбургской губ.;
- Апанаев, занимался торговлей в Казани;
- Багданов Нусратула, до 1918 года занимался торговлей в Давлеканово;
- Вагапов Хузиахмед, до революции занимался торговлей в Тюмени. Отец его по имени Ясави был делегатом первого Всероссийского мусульманского съезда (май 1917 г., Москва);
- Валеев, мулла д. Иштиряк Белебеевского у. Уфимской губ.;
- Валиахмадов Хабибрахман, мулла д. МинниАтзитар Уфимского у. Уфимской губ.;
- Валиев Валиахмед, бывший торговец;
- Валиев Шагимардан, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Гадельшин Хасан, до 1918 года занимался торговлей в Челябинске;
- Гимранов Назиб, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Дашкин Гали, до 1921 года занимался торговлей в г. Николаевск-на-Амуре;
- Загидуллин Улутфула, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Зямилев Сатар, бывший торговец, уроженец Бугульминского у. Оренбургской губ.;
- Ильматов Закир, бывший торговец в городе Кунгур;
- Исангулов, до 1918 года занимался торговлей в Петропавловске (Казахстан);
- Касымов Маулия Мухамед, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Кудаков, бывший торговец из Пензенской губ.;
- Мазитов Мурзаян, бывшей торговец, уроженец Осинского у. Пермской губ.;
- Максудов Фаизрахман, до революции работал доверенным у купцов Хакимовых в Уфе;
- Минникаев Яздан, мулла д. Янурусци Пермской губ.;
- Мулюков Ахмет-Шариф, мулла д. Габдрахман Уфимского у. Уфимской губ.;
- Мунасыпов АхметСыддик бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Муртазин АхметЗакир, мулла д. Габдрахман Уфимского у. Уфимской губ.;
- Мухамедшин Сабир, уроженец Хабаровска, торговец;
- Нигматуллин Сарвар, мулла д. ИскиКармаш Уфимского у. Уфимской губ.;
- Нургалиев Нурмухамед, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Рахимкулов Гирфан, мулла д. Минзитар Уфимского у. Уфимской губ.;
- Рахимов АбдулКарим, служил муэдзином в Омской мечети;
- Рахманкулов Мухаметгариф, мулла из Бугурусланского у. Самарской губ.;
- Садыков Заки, до 1918 года занимался торговлей в Бугульме;
- Садыков Шамиль, до 1918 года занимался торговлей в Бугульме;
- Сафин Гайнан, до 1918 года занимался торговлей в Красноуфимском у. Пермской губ.;
- Сулейманов Тимиргали, мулла д. Янгиюл Калмакской вол. Бирского у. Уфимской губ.;
- Туганаев Нурмухамед, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Фатхульисламов Мустафа, мулла д. Асано Бирского у. Уфимской губ.;
- Хаджи Гисматулла, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Халиуллин Насибула, бывший торговец из Челябинского у. Оренбургской губ.;
- Шамгулов Мадьяр, служил муллой в деревне Нимисляр Уфимской губ., преподавал в медресе «Галия» в Уфе;
- Шераев, бывший торговец, проживал в городе Бирске Уфимской губ.;
- Якупов Хамедзян, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Янгуразов Рахим, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Ясави Ахмед, бывший торговец из Агрызского у. Пензенской губ.;
- Яхшиев Мутагар, бывший торговец, уроженец Осинского у. Пермской губ.

Все выходцы из России столкнулись в эмиграции с большой психологической проблемой – проблемой беженца, не имеющего своего угла, заработка, социальных перспектив для себя и своей семьи в целом. В такой жизненной ситуации утрата прежнего

социального статуса и пребывание на чужбине могли стать непреодолимым испытанием. И без того непростые психологические процессы, происходящие в эмигрантской среде, осложнялись тем, что мусульмане – татары, башкиры – занимали довольно обособленное положение и среди российских эмигрантов. Языковой, этнокультурный, религиозный барьеры разъединяли зачастую не только эмигрантов и местных жителей, но и русскоязычную и тюркоязычную эмиграцию.

Анализируя факторы социально-психологической адаптации эмигрантов, психологи к числу важнейших относят наличие поддерживающих структур. Важную роль играют светские и религиозные общины, землячества, союзы, группы поддержки, издаваемые на родном языке газеты и журналы, совместные праздники, возможность контактов с родной культурой. Кроме того, субъективными факторами адаптации являются такие личностные свойства, как высокая коммуникативность, ответственность, дисциплинированность, высокий уровень трудоспособности и жизнеспособности. Эти качества личности формируются, как правило, в среде с высоким уровнем приверженности к традиционной нравственности и религиозной морали. Поэтому религиозные и национально-культурные (а зачастую они составляли единое целое) объединения были именно той, практически единственной нишей, в которой было возможно существование эмигрантов на раннем этапе эмиграции, особенно для тюрко-мусульманской эмиграции на Дальнем Востоке.

Значительная часть российской эмиграции в Европе достаточно успешно преодолевала языковой барьер, – французский, немецкий и английский языки, по крайней мере – латинская графика были россиянам знакомыми хотя бы в рамках гимназических учебных программ. Религиозные убеждения русских эмигрантов также не подвергались особым испытаниям – представители Русской православной церкви оказались, хотя и в инославной, но все же христианской среде. Дальневосточная эмиграция в Японию, Китае, Корею оказалась в этом плане в несравнимо более сложных этнокультурных условиях, а именно – в совершенно чуждом языковом, религиозном, этнокультурном окружении. Не случайно практически все эмигранты рассматривали свое пребывание в странах Дальнего Востока как временное и стремились перебраться в Европу, Австралию и Америку. Это относится и к мусульманской эмиграции, которая перед второй мировой войной переселилась в Турцию, а впоследствии – в Америку.

Выезд российских мусульман из Японии и Маньчжурии в Турцию был обусловлен целым рядом обстоятельств – изменившейся международной обстановкой, политикой японских и китайских властей в отношении ислама и мусульман, внутренними раздорами в среде эмигрантов. Но не последнюю роль играло и стремление жить в более привычном в этнокультурном отношении обществе, среди мусульман, говорящих на родственном языке. Да и в Северном Китае мусульманские эмигранты оказались во многом из-за того, что здесь проживали мусульмане. «... Намерение об уходе башкир в Китайский Туркестан возникло только потому, что на территории последнего проживают народы родственные башкирам по религии и языку», – говорил М.Г. Курбангалиев. Ислам и мусульманское единство на раннем этапе эмиграции оказались важнейшими условиями выживания тюрко-мусульман в иноязычной, иноконфессиональной среде стран Дальнего Востока. Поиск средств к существованию, работы, жилья стал успешным для большинства эмигрантов благодаря моральной, а зачастую и финансовой поддержке единоверцев. Мусульмане, прибывшие в Японию, Китай еще в конце XIX века, несмотря на свое явное численное меньшинство и имеющиеся собственные проблемы, стали опорой для вновь прибывших. Последние, в свою очередь, стремились селиться сообща, поддерживая друг друга. В адаптации эмигрантов большую роль играли мусульманские экономические принципы перераспределения материальных благ, традиционные для ислама социальные гарантии членов мусульманской общины. Большинство эмигрантов были заняты в сфере мелкой торговли. Многие татары и башкиры нанимались мелкими служащими к своим более удачливым соотечественникам, единоверцам, а то и к японским и китайским торговцам, работали так называемыми «отрезчиками» (помощниками торговцев тканями в больших и маленьких магазинах) и «разносчиками» (разносили заказанные товары по домам). Практически все они встали на ноги, и уже в 30е годы среди них появились владельцы крупных мануфактурных магазинов, ресторанов, лесопильных фабрик, торговцы пушниной. Закят и садака, добровольные

пожертвования на нужды всей общины, исламские нравственные традиции взаимной помощи и поддержки были залогом социальной адаптации эмигрантов, интеграции их в социально-экономическую реальность довоенной Японии, Кореи, Маньчжурии. В Маньчжурии, например, была организована сеть ресторанов, владельцами которых были мусульмане. Здесь для всех мусульман существовали специальные цены на рис, муку, мясо, что позволяло всем членам общины жить примерно в равных условиях. В Японии были заселены три сравнительно небольшие мусульманские колонии татар и башкир, выходцев из России, здесь их называли «белыми (то есть не «красными») русскими». В среде самих мусульман, в устной речи и в публикациях их обычно называли и называют тюрко-татарами или татарами, хотя около половины из них составляли башкиры.

Башкиры не обособлялись от общей мусульманской колонии, напротив, вся мусульманская диаспора Японии в 20-е годы объединилась именно вокруг одного из представителей башкир Мухамеда-Габдулхая Курбангалиева. Представитель древнего башкирского рода Курбангалиевых, внук известного на Урале ишана Абдул-Хакима, сын не менее известного «Аксак ишана» Габидуллы Курбангалиева, сформировавшего на свои средства в 1919 году «полк Мухаммеда» для борьбы с большевиками, брат башкирского белого офицера Аруна, погибшего в апреле 1920 года под Читой, сам Мухамед-Габдулхай был весьма заметной фигурой в общественно-политической жизни Башкирии и мусульман России. Он был делегатом Первого всероссийского съезда мусульман в мае 1917 года, в том же году вошел в состав Правительства Башкирии как представитель от Челябинского у., в 1918 году возглавил «Комитет по распространению гражданства и свободы среди мусульман», организованный мусульманами пяти волостей того же у. Осенью 1919 года он был вынужден покинуть родной Аргаяш и уйти с белой армией Колчака в Сибирь. С ним ушли несколько тысяч башкирских солдат, многие из которых так и не вернулись на родину. Оторванный от родных мест, от семьи (где-то затерялись следы его жены Рабиги, малолетних дочери и сына), Мухамед-Габдулхай всецело посвятил себя вопросу выживания башкир, оказавшихся с остатками белой армии в эмиграции. Мухамед-Габдулхай, пройдя Сибирь в качестве муллы мусульманского войска белой армии, становится духовным наставником мусульман – башкир и татар – в эмиграции. Он возглавил Токийскую мусульманскую общину, а в 1928 году стал председателем Союза мусульман Японии.

В планы Курбангалиева входило дальнейшее объединение мусульман тюрко-татар всего Дальнего Востока, однако политические события 30-х годов не благоприятствовали этому. В Токио мусульманскую эмигрантскую колонию в 1925 году, когда она была официально зарегистрирована как Токийское мусульманское общество, составляли приблизительно 250 человек. В январе 1925 председателем Токийского мусульманского общества года был избран М.-Г. Курбангалиев. При его же участии в 1925–1928 гг. были учреждены мусульманские общины в Кобе, Нагое, Йокогаме, позднее в городе Кумамото. В Кобе общину составили представители 50 семей, ее имамом стал Мадыяр Шамгулов, прежде служивший имамом в д. Нимисляр Уфимского у. Уфимской губ. (ныне это Нуримановский район Республики Башкортостан). Мусульманскую общину в Нагое возглавил Хусейн Кильки. После смерти Мадыяра Шамгулова (1938 г.) Хусейн Кильки возглавил общину в Кобе и прослужил имамом в этом городе более 25 лет. Имамом в Нагое остался Хуснутдин Сайтгалеев, башкир из Бирского у. Уфимской губ., который оказался в Японии, покинув Россию вместе с остатками колчаковских войск. Общая численность мусульман тюрко-татар на Дальнем Востоке составила в годы перед Второй мировой войной 4 тысячи человек. Из них в Японии проживало 500 человек, в Корее 150, в Китае 350 (в Шанхае 200, в Тяньцзине 150). Более 3000 мусульманских эмигрантов осело в Маньчжурии – в Хайларе, Харбине, здесь общину более 30 лет возглавлял Амрулла Агеев. Всего на Дальнем Востоке мусульманами, выходцами из России, было построено 7 мечетей, которые действуют и по сей день. Община в Кумамото объединяла около 40–50 человек мусульман – белоэмигрантов. Председателем этого общества работал уроженец города Хайлара.

Несмотря на лишения, нехватку средств и другие материальные проблемы, главной заботой мусульманских эмигрантов стало сохранение своей религии и национально-

культурных традиций. Организованные в Токио, Кобе, Нагое, Кумамото и Йокогаме мусульманские общины стали центрами не только религиозной, культурной, но всей социальной жизни переселенцев. Большое внимание уделялось вопросу воспитания детей. Уже в декабре 1927 года в Токио была открыта первая мусульманская школа, директором которой стал Курбангалиев. Такие же школы для мусульманских детей были открыты в 1935 году в Кобе и Нагое. В Маньчжурии, в Харбине и Хайларе, школы для мусульманских мальчиков и девочек были открыты еще раньше. С осени 1932 года в Токио стал издаваться журнал «Япон мухбири». Журнал финансировался торгово-промышленными кругами Японии, в том числе концерном Мицубиси. Религиозную часть журнала редактировал Мухамед-Габдулхай Курбангалиев. Журнал печатался на тюрки на арабской графике в типографии, основанной самим Курбангалиевым в 1929 году. В ней также печатались учебные пособия для мусульманских школ, литература на арабском и тюркских языках. 12 июня 1934 года в типографии Курбангалиева был отпечатан Коран, изданный в Японии впервые.

Деятельность Курбангалиева, его школы и типографии способствовали духовной консолидации мусульман Японии, их объединению в единый Союз мусульман Японии. Все это в значительной степени обусловило преемственность культурных национальных традиций, сохранение родного языка, национальной самобытности эмигрантов в нескольких поколениях. Практически вся жизнь тюркских эмигрантов была сконцентрирована вокруг мусульманской общины, которая стала стержнем социальной организации всех ее членов. Здесь решались вопросы трудоустройства, обеспечения отдельных, оставшихся без попечительства членов общины, здесь проводилось сватовство, заключались браки. Многие члены общины выдавали своих дочерей за сыновей единоверцев и наоборот. Поскольку мусульманских невест в Японии катастрофически не хватало, а в Маньчжурии их было побольше, в конце 20-х годов группа молодых людей отправилась в Хайлар «за невестами», оттуда сын имама Кильки вернулся с Зайтуной Мансуровой, нашли себе жен и другие имамы. Факты женитьбы на японке или на представительницах русской «белой» эмиграции были редким исключением.

Таким образом, именно ислам определял жизнь эмигрантского социума, а имамы и мударисы были хранителями национальной культуры и главными носителями знаний, передававшихся из поколения в поколение. Не могу не отметить тот факт, что во главе мусульманских общин на Дальнем Востоке были, как правило, мусульмане, получившие религиозное знание, воспитание, профессиональную подготовку в медресе Волго-Уральского региона, многие из них до революции были преподавателями в этих же учебных заведениях. Мадьяр Шамгулов, например, в свое время был преподавателем медресе «Галия» (Уфа). Курбангалиев обучался в медресе «Расулия» (Троицк, Верхнеуральский у. Оренбургской губ.), преподавал в медресе д. Медьяк (Челябинский у. Оренбургской губ.), и именно его в 1916 году муфтий Сафа Баязитов готовил в качестве своего преемника на должность муфтия России. Мусульманскую общину Харбина возглавил Гиниятулла Селихметов (Селихмет). Его брат Кашшаф Селихмет в 1933 г. был назначен имамом шанхайской мечети, и с этого времени до 1945 г. семья проживала в Шанхае. Жена Кашшафа, Мадина Асякаева, родом из Башкирии. Ее родители – известные среди уфимских мусульман религиозные деятели. Отец Хусаин Асякаев был попечителем благотворительного фонда Тевкелевых и казначеем Оренбургского магометанского духовного собрания, а мать Гайнихаят (из рода Бигловых) – председателем Уфимского мусульманского дамского благотворительного общества. Брат Мадины Ибрагим Асякаев был членом первого башкирского (валидовского) правительства. В эмиграции Мадина занималась просветительской деятельностью среди женщин – мусульманок, выступала с лекциями, печаталась в дальневосточной мусульманской («Милли Байрак» – Мукден, «Ерак Шарек» – Харбин) и русской («Шанхайская заря») прессе. В 1941 г. в шанхайском журнале «XX век» была опубликована ее статья «Российские тюрки», в которой Мадина Селихмет описывает судьбу мусульман в советской России. После Второй мировой войны семья Селихмет переехала в Турцию, где Мадина продолжала педагогическую работу. Она скончалась в Стамбуле 22 мая 1964 г.

Следует подчеркнуть при этом, что религиозное образование, полученное нашими соотечественниками – эмигрантами в мусульманских школах Уфы, Казани, Оренбурга, Орска, Троицка, деревень Уфимской и Оренбургской губерний, а также традиционное

мусульманское воспитание прошли испытание на прочность в условиях эмиграции. Несмотря на острые разногласия в эмигрантской среде, обусловленные как политическими пристрастиями, так и личностными симпатиями и антипатиями, ислам был существенной объединительной силой, благодаря чему тюркская эмиграция сохранила свою этнокультурную идентичность. Издавались газеты на тюрки (в Мукдене печаталась газета «Милли байрак» – орган дальневосточного отделения «Идель-Урал», в Хабине – газета «Ерак Шарек»), устраивались концерты, организовывались спектакли на татарском языке. В Токио состоялся спектакль по пьесе Гаяза Исхаки «Зулейха», привлечший внимание всей японской мусульманской общественности. В Шанхае был создан Культурно-просветительский кружок, члены которого регулярно проводили вечера, посвященные памятным датам тюрко-мусульманской истории. Так, 19 апреля 1934 г. мусульмане Шанхая собрались почтить память Габдуллы Тукая. В опубликованном в «Шанхайской Заре» объявлении о предстоящем собрании говорилось: «В день 22-ой годовщины безвременной кончины национального тюркотатарского поэта А. Тукай, 19 апреля в помещении Украинской Громады (Таку род, 450) в 7 ч. веч. Литературно-Художественным кружком Тюрко-Татар устраивается заседание, на котором будет прочитана автобиография А. Тукая, его жизненный путь, и учениками тюрко-татарских курсов будут зачтены его произведения». В этом же номере газеты были опубликованы многочисленные отклики представителей мусульманской общины на известия о смерти Юсуфа Акчуры (умер в апреле 1935 г. в Турции) и Али-Мардана Топчибашева (умер в марте того же года во Франции). В 1934 году мусульманская общественность Харбина и Шанхая торжественно отметила 1000-летие принятия ислама волжскими булгарами, на эти торжества съехались представители мусульманских эмигрантских общин Кавказа, Закавказья, Украины, был издан юбилейный номер газеты «Милли байрак». В 1935 году в Шанхае торжественно отметили 120-летие со дня рождения Шигабутдина Марджани.

Мусульманская община, согласно исламской традиции брала на себя заботу о детях мусульман, скончавшихся в эмиграции. Например, после смерти муллы Гиниатуллы Селихмета был учрежден фонд обеспечения семьи, из средств которого выплачивалось ежемесячное пособие в размере 125 руб., а детям выплачивалась стипендия для продолжения обучения. Хотелось бы отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Дальневосточная мусульманская колония эмигрантов по мере возможностей поддерживала своих единоверцев, оставшихся в большевистской России. В 20–30-е годы семьи арестованных и репрессированных имамов, религиозных деятелей получали помощь в виде посылок, денежных переводов из Японии, Китая, Маньчжурии. После того, как многие из получателей были обвинены в «связях с контрреволюционными белоэмигрантскими организациями», помощь стала поступать тайно. Поддержка зарубежных мусульман была одним из многих факторов, способствовавших выживанию ислама в советской России, в условиях жестоких репрессий по отношению к мусульманам.

Пребывание маленькой горстки мусульманских эмигрантов из России не прошло бесследно и для Японии. В 1939 году правительство Японии приняло Закон о религии, который, по настоянию мусульман, предоставлял исламу и мусульманам равные с представителями японской религии (синто), а также с буддизмом и христианством права. Этот закон стал закономерным продолжением религиозной политики Японского правительства, начатой после Мэйдзи Исин. Он преследовал цель не столько контролировать религии, сколько предотвратить «угрозу безопасности и благополучию» (статья 16 Закона).

Большинство эмигрантов и их детей в настоящее время проживает в англоязычных странах, США, Австралии, часть осела в Турции, куда почти все мусульмане Японии и Маньчжурии выехали перед Второй мировой войной. Но ислам по-прежнему остается силой, объединяющей потомков эмигрантов, выходцев из России.

Выражаю огромную благодарность уважаемым Айше Азаде Рорлих, профессору университета Южная Калифорния, Халиде Диуш (Кильки), Равилу Селихмету и Кацунори Нисияма за помощь в сборе материала о жизни мусульманской общины на Дальнем Востоке.

Примечания:

1. Документы РЗИА хранятся более чем в 10 крупнейших архивах России, но основная часть – в ГА РФ.

2. Среди архивных и библиографических комплексов одним из наиболее важных для изучения дальневосточной эмиграции является библиография Н. В. Устрялова «Библиографический сборник Центральной библиотеки КВЖД / Ред. Устрялов Н.В. Харбин. 1932. Т.1–2». Устрялов Николай Васильевич, 1890 года рождения, уроженец г. Ленинграда, русский, беспартийный, профессор экономической географии Московского института инженеров транспорта. С 1918 г. Устрялов директор прессы при правительстве Колчака. Эмигрировал в Харбин, с 1928 г. работал директором Центральной библиотеки КВЖД. В 1935 г. вместе с другими служащими КВЖД возвратился в СССР. 14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Суд установил, что Устрялов «... с 1928 г. являлся агентом японской разведки и проводил шпионскую работу... Кроме того, Устрялов вел активную контрреволюционную пропаганду и распространял клевету на руководство ВКП (б)». В тот же день приговор в отношении Устрялова Н.В. был приведен в исполнение.

3. Аурилене Е. Е. Российская эмиграция в Маньчжурии в 3040е годы XX века: (На примере деятельности бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996.

4. Кузнецов В. КВЖД и развитие Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1990. N 4. С. 196–202.

5. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; Его же. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Институт российской истории РАН. 1997.

6. Батожок И. А. Русские в Китае. Поиск документов в архивах КНР // Марсово поле. СПб., 1996. N 1. С. 33–35; Его же. Русские в Китае. Поиск документов в архивах КНР // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 41–43.

7. Маркизов Л. Харбин известный и неизвестный : Из истории Китайской Восточной железной дороги // Карта = Karta. Рязань, 1996. N 10/11. С. 44–48.

8. Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск.: Издво БГУ, 1999; Ее же. История КВЖД и российской колонии в Маньчжурии в конце XIX — начале XX в. (1896—1917 гг.) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3.

9. Годы, люди, судьбы : История рос. эмиграции в Китае: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100летию г. Харбина и КВЖД. Москва, 19–21 мая 1998 г. / Под ред Иванова В.И. и др. М., 1998.

10. Российская эмиграция в Маньчжурии: военнополитическая деятельность (1920–1945). Сборник документов / Составление, вступительная статья, приложение Е. Чернолуцкой. Южно-Сахалинск, 1994.

11. Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Библиографический словарь. Владивосток: ДВГУ, 2000. Амир Хисамутдинов – автор более 10 публикаций по истории дальневосточной эмиграции из России – А. Ю.

12. Курата Юка. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами // Acta Slavica Japonica. 1996. XIV; Его же. Архивные фонды Японии: к изучению проблемы русской эмиграции в Японии // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сборник статей. СПб.: Издательство «Европейский Дом». 2000. С. 435–439.

13. Черникова Л., Бэй Вэньли. Ван Чжичэн – исследователь истории русской эмиграции // «Проблемы Дальнего Востока». 2001. № 6. С. 132–136.

14. Чернолуцкая Е. Н. Российская реэмиграция из Китая // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион (Вестник ДВО РАН). 1996. № 2; Адутов Р. М. Татаро-башкирская эмиграция в Японии. Набережные Челны. 1997; Юнусова А. Б. Исламский фактор во внешней политике Японии в 20–30-е годы XX века // Свободомыслие и свобода совести в мировой истории. Уфа: БашГУ, 2001. С. 64–69; Ее же. «Великий имам» Дальнего Востока МухамедГабдулхай Курбангалиев // Вестник Евразии. 2001. № 4. С. 83–117; Ее же. Исламский фактор сохранения этнической идентификации у российской мусульманской эмиграции на Дальнем Востоке (Япония, Китай) // Второй Всемирный курултай башкир. Стенографический отчет. Уфа: Китап, 2002. С. 472–478.

.....

15. Кацунори Нисияма. Мусульмане в Японии // Ватандаш. 1999. № 10. С. 188–195; Чжао Лунгэн. Исламский фактор в китайско-российских отношениях стратегического партнерства // Экспрессинформ / Центр науч. информ. и банка данных Ин-та Дал. Востока РАН. М., 1997. Вып. 11. С. 6069.
16. Комура Худзио. История ислама в Японии. Токио, 1988; Масагаки Шинъити. Народы, уничтоженные Кремлем: японцы и татары // Тью–Корон. Июль 1981. С. 295; Камозаа Ивао. Запись о татарах, проживавших в Японии // Ученые записки литературного факультета Хосэй Университета. 1983/4. № 29. С. 296–297.
17. Кацунори Нисияма. Мусульмане в Японии // Ватандаш. 1999. № 10. С. 188–195.
18. Гилязов И. А. Там, в иных краях (татарская эмиграция в 20–40е годы) // Татарстан. 1994. № 3–4. С. 52–55; Его же. Пантюркизм, пантуранизм в Германии // Татарстан. 1995. № 5–6. С. 29–39; Его же. Татарская эмиграция в Европе 20–50х годов и развитие идеи государственности // Самоопределение и автономия народов России: исторический опыт и уроки: Мат. Всерос. Науч. конф. Йошкар-Ола, 1995. С. 58–62; Его же. Военно-политический коллаборационизм тюркомусульманских народов СССР в годы второй мировой войны. Автореферат диссертации ... дра ист. наук. Казань: КазГУ, 1999.
19. Гайнетдинов Р. Б. Тюркотатарская политическая эмиграция: начало XX века – 30е годы. Исторический очерк. Набережные Челны, 1997.
20. Валеев Д., Мадьяри А., Ураксин З., Юлдашбаев А. Судьба и наследие башкирских ученых – эмигрантов. Уфа, 1995; Юлдашбаев А. М. Известный и неизвестный Заки Валиди. Уфа, 2000.
21. Книга Марко Поло. М.: Географиз, 1956. С. 108–109.
22. Аблова Н. Е. История КВЖД и российской колонии в Маньчжурии в конце XIX — начале XX в. (1896—1917 гг.) // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3; Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сборник документов / Составление, вступительная статья, приложение Е. Чернолуцкой. Южно-Сахалинск, 1994. С. 5.
23. Гайнетдинов Р.Б. Тюркотатарская политическая эмиграция: начало XX века–30е годы. Набережные Челны, 1997. С. 34–35.
24. Юнусова А.Б. «Великий имам» Дальнего Востока... С. 87.
25. Ишемгулов Б. Духовенство в дни контрреволюции. Уфа, 1927. С. 42–46. На тат. яз. (Список бежавших с Колчаком имамов ранее был опубликован в газете «Яш Юксул» за 1923 год, №№ 21–23; ЦА ФСБ РФ. Ф. Н18906. Уголовно-следственное дело М.Г. Курбангалиева. 1945–1948 гг. В 3-х томах.

© Юнусова А.Б., 2003 г.

